

Коллективная монография «Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты» обобщает до этого момента разрозненные представления ученых-языковедов о феномене обыденного метаязыкового сознания. Данное издание, как отмечается в предисловии, является частью общего плана, нацеленного по сути дела на концептуальное оформление целого направления в отечественной науке, которое может быть обозначено как теория обыденной лингвистики. Монография не только излагает факты «стихийного и экстенсивного» (с. 31) развития учения об обыденном метаязыковом сознании, но и демонстрирует достаточно успешную попытку обобщения и систематизации этих фактов.

Создатели монографии представляют различные подходы к интерпретации феномена «народной» лингвистики и разные уровни его осмысления и (каков и был замысел руководителя направления) «размечают поле» проблематики новой научной дисциплины. Авторы дают общефилософскую и лингвофилософскую интерпретацию феномена метаязыкового сознания (Н.Д. Голев, Л.Г. Зубкова), описывают важнейшие признаки «наивной лингвистической технологии» (В.Б. Кашкин, Д.Ю. Полиниченко, А.Н. Ростова, О.И. Блинова), размышляют о соотношении языкового и метаязыкового сознания (Н.Б. Лебедева), вскрывают закономерности метаязыковой деятельности говорящего (И.Т. Вепрева, Н.В. Сайкова) и слушающего (Л.Г. Ким), моделируют портрет метаязыковой личности – как индивидуальной (Л.Г. и Н.Г. Зубковы, П.А. Катышев и С.В. Оленев, К.В. Гарганеева), так и коллективной (Н.Б. Лебедева, Е.В. Иванцова), анализируют обыденное метаязыковое сознание как фактор языковой политики (Н.Д. Голев) и различных видов социального взаимодействия (Н.В. Орлова, М.Ю. Сидорова, Н.А. Стрельникова, О.Н. Шувалова, Т.В. Чернышова).

Открывая обсуждение проблемы, Н.Д. Голев определяет сущность онтолого-гносеологического феномена обыденного метаязыкового сознания, формулирует соотношение научного и «бытового» познания языка как противопоставленных и взаимосвязанных видов метаязыковой деятельности, а также представляет обобщенную уровневую модель метаязыкового сознания личности. Анализ Н.Д. Голева систематизирует основные сведения о феномене «народной» лингвистики и придает им теоретическую целостность.

Л.Г. Зубкова в разделе «От обыденного метаязыкового сознания к науке о языке в свете

развивающегося самосознания» прослеживает исторический путь развития метаязыкового сознания и обосновывает тезис о том, что «эволюция общей теории языка как посредника между миром и человеком отражает осознание растущей автономности человека с его внутренним миром и развивающимся самосознанием по отношению к познаваемой вселенной, с одной стороны, и последующее осознание автономности языка по отношению к мышлению – с другой» (с. 111). Следуя за мыслью автора, неизбежно приходишь к выводу, что антропоцентризм в лингвистике – не только актуальное направление, но и имманентно присущее ей свойство.

Общим местом в лингвистических работах стал тезис об «однонаправленных» отношениях между наукой и «донаучной» мыслью: обыденное метаязыковое сознание предшествует теории, «наивная» лингвистика – ступень, которая ведет к научному языкознанию. Анализ Л.Г. Зубковой придает этой модели трехмерность, так как показывает, что обе формы осмысления языка способны к саморазвитию, обусловленному развитием самосознания человека.

В заключении, написанном Н.Д. Голевым, систематизируются актуальные проблемы формирующейся отрасли лингвистического знания, а также перечисляются «не только не исследованные, но и редко отмечаемые» вопросы, которые расширяют перечень тем, связанных с обыденным метаязыковым сознанием.

На сегодняшнем этапе изучения проблемы монографию можно считать своего рода мини-энциклопедией теории обыденной лингвистики; в связи с этим самостоятельное значение имеет богатый библиографический список¹, включающий работы как отечественных, так и зарубежных авторов.

Поставленные и решаемые в монографии вопросы логически неизбежно вызывают размышления о перспективах развития новой отрасли лингвистической науки. Монография, аккумулировавшая и систематизировавшая проблематику целой области знания, одновременно с этим высветила и проблемы, которые рецензент хотел бы предложить для обсуждения.

Так, остается открытым вопрос о терминологическом обозначении как объекта исследования, так и обсуждаемого научного направления.

¹ Тем досаднее, что в этот список не попали некоторые работы, на которые ссылаются авторы в тексте монографии (см. с. 33, 72–85, 230–232, 248).

Становится очевидной необходимость и – с учетом достижений в данной области – возможность разграничения понятий, которые интерпретируются в монографии как синонимы (полные или частичные): «обыденная металингвистика», «бытовая лингвистика», «стихийная лингвистика», «фолк-лингвистика» (*folk linguistics*), «наивная лингвистика», «лингвистика метаязыкового сознания», «обыденная лингвистическая гносеология», «народная гносеология» (с. 39). Н.Д. Голев в различных случаях использует термины «обыденная лингвистика», «обыденная металингвистика», «лингвистика метаязыкового сознания», но особо отмечает, что не настаивает на окончательной терминологизации этих обозначений (с. 371).

Согласившись в целом с замечанием Н.Д. Голева о том, что «трудности поиска термина обусловлены стихийным характером терминотворчества в лингвистике» (с. 39), позволим себе высказать ряд соображений по поводу упорядочения терминологии.

Представляется необходимым дифференцировать термины, обозначающие исследуемый объект («обыденное метаязыковое сознание», «наивная лингвистика» и т.п.) и изучающую его дисциплину (например, используемое Н.Д. Голевым обозначение «лингвистика метаязыкового сознания» и под.). В настоящее время целый ряд терминов используется одновременно и как обозначение объекта, и как обозначение науки («бытовая лингвистика», «стихийная лингвистика», «фолк-лингвистика», «*folk linguistics*», «наивная лингвистика»). Здесь, видимо, действует традиция терминообразования на основе метонимического переноса, характерная для названий лингвистических наук (ср. термины «синтаксис», «грамматика», «словообразование», которые обозначают и соответствующие языковые феномены, и изучающие их языковедческие дисциплины), так что подобный перенос названия объекта на название науки является закономерным. Однако в ряде случаев такая многозначность термина неудобна, и металингвистическая практика стремится этого избегать (ср., например, появление наряду с термином «словообразование» обозначения «дериватология», а также употребление в лингвистическом дискурсе сочетаний типа «в синтаксической теории», «в грамматических исследованиях» вместо «в синтаксисе», «в грамматике»).

Сложность выработки терминологии в обсуждаемой области обусловлена еще и тем, что разграничивать приходится даже не уровни языка и метаязыка (что также сопряжено с некоторыми парадоксами сознания), а уровни метаязыка и «метаметаязыка» (особого рода

лингвистику и соответствующую ей металингвистику). Однако терминологическое разграничение в этом случае необходимо, на наш взгляд, и для того, чтобы избежать отождествления онтологического и гносеологического аспектов проблемы, уйти от смешения объекта изучения и знания о нем².

Таким образом, было бы логично закрепить а) за объектом изучения обозначения «бытовая лингвистика», «стихийная лингвистика», «народная лингвистика», «наивная лингвистика», «естественная лингвистика», «обыденная лингвистика», а также (несколько отличающийся по значению и связанный с изменением угла зрения на объект) термин «обыденное метаязыковое сознание» и б) за изучающей этот объект наукой – термины «лингвистика метаязыкового сознания», «обыденная лингвистическая гносеология» или – рискуем предложить – «теория обыденной лингвистики», «теория обыденного метаязыкового сознания».

Остановимся подробнее на двух терминах, представленных в рецензируемой монографии. Первый из них – «фолк-лингвистика», используемый Д.Ю. Поличенко и обозначающий «промежуточную степень между наивной сферой знания о языке и собственно наукой», так называемую «любительскую лингвистику» (с. 67). Безусловно, вычленение из общей картины «непрофессионального» представления о языке соответствующего сегмента и его анализ актуальны – и не только для критики с точки зрения позитивного лингвистического знания, но и для изучения закономерностей самой «любительской методологии». В то же время заслуживает обсуждения терминологическое обозначение данного объекта лингвистического изучения. Дело в том, что в европейском языкознании термин «*folk linguistics*» используется как эквивалент русских терминов «наивная лингвистика», «народная лингвистика», «стихийная лингвистика»³; более того, известны прецеденты использования этого термина без перевода в заметных работах отечественных языковедов (см., например [Булыгина, Шмелев 1998; 1999; 2000]). В этих условиях обозначение «фолк-лингвистика» устойчиво ассоциируется у специалистов не с более узкой областью

² Как раз подобное смешение характерно для обыденного сознания и чревато негативными последствиями в сфере практической деятельности (см., в частности материалы главы «Функционирование обыденного метаязыкового сознания в различных социально-языковых сферах»).

³ См., в частности список литературы в рецензируемой монографии.

«любительской лингвистики»⁴, а со всей сферой «наивных» представлений о языке.

Второй термин, на который хотелось бы обратить внимание, – «обыденная металингвистика» (Н.Д. Голев, А.Н. Ростова). Этот термин не кажется безупречным, поскольку внутренняя форма словосочетания указывает на то, что речь идет об интерпретации лингвистики обыденным сознанием, а не о научном анализе самой обыденной лингвистики (префикс *мета-* относится в этом сочетании только к термину «лингвистика», а определение «обыденная» характеризует слово «металингвистика»). Как нам кажется, этот термин мог бы использоваться для обозначения другого феномена, который входит составной частью в обыденное метаязыковое сознание. Фактами обыденной металингвистики можно было бы признать различные суждения рядовых носителей языка о содержании лингвистической науки, о теоретической и практической деятельности языковедов – как, например, в следующих фрагментах художественных текстов: *Так как в русском языке почти уже не употребляются фита, ижица и звательный падеж, то, рассуждая по справедливости, следовало бы убавить жалованье учителям русского языка, ибо с уменьшением букв и падежей уменьшилась и их работа* (А. Чехов); *Знаешь, я хотел высчитать, сколько каждый автор употребил имен существительных, прилагательных, глаголов, наречий, затем, сколько у него главных предложений и придаточных, многоточий, знаков восклицаний и т. д. Не хватило терпения, да и сделать это может только какой-нибудь немец. Нашелся такой подлец Карл Иванович, который высчитал, сколько раз у Цицерона встречается союз *ut* во всех его сочинениях* (Д. Мамин-Сибиряк); *<...> какую бы фамилию я ни присвоил своему объекту, наши фантазеры тотчас <...> впадут в математические изыски, разлагая слово на гласные и согласные буквы, обращая особое внимание на порядок их шествия в слове, место в алфавите <...> и разъяснят, <...> что на сегодняшний день означает количество букв в указанном имени* (И. Кожевников); *<...> академических словарей недостаточно. Они совершенно не выражают разнообразия будничной лексики. Тем более ненормативной лексики, давно уже затопившей резервуары языка* (С. Довлатов) и т.п.

⁴ Термин «любительская лингвистика» получил достаточное распространение, в том числе благодаря работам А.А. Зализняка и Н.Д. Голева (см., например [Зализняк 2009; Голев 2005]).

Более логичным для обозначения лингвистической науки, исследующей метаязыковое сознание «естественного лингвиста», выглядел бы термин, в котором префикс *мета-* относился бы ко всему сочетанию «обыденная лингвистика» (*мета-* + {обыденная лингвистика}), что в русском языке, однако, невыполнимо. Возможно, обсуждаемая семантика адекватно воплотилась бы в наименованиях типа «теория обыденной лингвистики», или «теория обыденного метаязыкового сознания», или уже известное «лингвистика метаязыкового сознания».

Отметим здесь, что в рассуждениях о терминологии автор рецензии руководствуется не только «разумными» аргументами, но и субъективным чувством «языкового дискомфорта» и не настаивает на своей исключительной правоте.

Еще одна проблема, на которую хотелось бы обратить внимание, – это перспективы развития теории обыденной лингвистики и, в частности, ее прикладных аспектов.

Вопрос об обыденном метаязыковом сознании не исчерпывается общефилософской проблематикой соотношения научного и обыденного знания. «Наивные» представления о языке – это явление, с которым сталкивается в своей деятельности любой «практический» языковед: лексикограф, кодификатор, автор учебников и контрольно-измерительных материалов, преподаватель, лингвист-эксперт и многие другие. Данное явление нельзя не учитывать, поскольку обыденное метаязыковое сознание выступает как активная сила, выполняя роль либо помехи, либо катализатора в осуществлении повседневной коммуникативной деятельности, а также языковой политики (что убедительно показано Н.Д. Голевым в разделе «Русское обыденное метаязыковое сознание и языковое строительство»). Следовательно, всякий языковед должен иметь представление о закономерностях обыденной метаязыковой деятельности (как врач имеет представление об анатомии и физиологии человека, как архитектор осведомлен о свойствах строительных материалов, как лоцман знает особенности рельефа дна).

В связи с подобным положением дел представляется целесообразным ставить вопрос о включении соответствующего круга проблем в содержание высшего профессионального филологического образования. Думается, назрела необходимость создания учебного пособия по теории обыденного метаязыкового сознания. Работа над пособием не только сделает проблему доступной широким массам филологов, но и позволит осмыслить ее на ином уровне.

Учитывая актуальность ряда «языковых» вопросов для современного общественного сознания и то обстоятельство, что субъекты

языковой политики, как правило, не обладают специальными знаниями, можно было бы предпринять издание книги научно-популярного характера о соотношении «бытового» и научного лингвистического знания, о последствиях «наивного» осуществления языковой политики.

Для стимулирования исследовательской активности в соответствующей области полезной была бы публикация различного рода выборок текстов, репрезентирующих обыденное метаязыковое сознание⁵. Это могут быть словари «наивных» толкований, тематические подборки высказываний рядовых носителей языка (например, «Грамматика в обыденном метаязыковом сознании», «Современная культурно-языковая ситуация в зеркале “народной” лингвистики», «Национально-культурное своеобразие языка в отражении обыденного метаязыкового сознания» и т.п.).

В заключение отметим, что редколлегии рецензируемого издания удалось таким образом отобрать и сгруппировать материал книги, что в ней получили отражение все основные перспективные направления изучения проблемы. Благодаря широте охвата и систематичности представления сведений данная монография встает в один ряд с такими методологическими важными работами, какой стал в свое время для исследователей сборник «Язык о языке» [Язык 2000], определивший круг проблем и основные подходы к изучению «наивной» лингвистики⁶.

⁵ Подобно тому как в свое время публиковались подборки текстов диалектной или разговорной речи, не только послужившие иллюстрацией к теоретическим положениям, но и ставшие ценным материалом для новых наблюдений лингвистов.

⁶ В сборнике освещается та составляющая «наивной» лингвистики, которая подходит под определение «нерефлектирующая рефлексия» (Н.Д. Арутюнова).

Рецензируемая монография, следующая вектору развития «антропоцентризма» в лингвистике, могла бы быть названа «Человек о языке»⁷. Солидный труд, осуществленный коллективом авторов, дает новый импульс для исследований, результаты которых обещают быть чрезвычайно интересными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булыгина, Шмелев 1998 – Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. Folk linguistics // Русский язык в его функционировании: Тез. докл. Междунар. конф.: III Шмелевские чтения (22–24 февраля 1998 г.). М., 1998.
- Булыгина, Шмелев 1999 – Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. Человек о языке (метаязыковая рефлексия в нелингвистических текстах) // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1999.
- Булыгина, Шмелев 2000 – Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. «Стихийная лингвистика» (Folk linguistics) // Русский язык сегодня. 2000. Вып. 1.
- Голев 2005 – Н.Д. Голев. Толерантность как вектор антиномического бытия языка // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М., 2005.
- Зализняк 2009 – А.А. Зализняк. Из заметок о любительской лингвистике. М., 2009.
- Язык 2000 – Язык о языке / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 2000.

М.Р. Шумарина

⁷ Сформулировано Н.Д. Голевым при обсуждении монографии. Возможно, это стало бы хорошим названием учебного пособия или научно-популярного издания соответствующей тематики.